

Ритис Йонайтис
Вильнюс

ГОЛОВНЫЕ ВЕНЧИКИ КАК ИНДИКАТОР МИГРАЦИОННОГО ПУТИ В XIII–XIV ВВ. ЧЕРЕЗ КИЕВ В ЛИТВУ

З другої половини XIII ст. у Вільнюсі, найімовірніше на запрошення великого князя, оселилася православна громада. У 2005 р. у виявленому могильнику у центральній частині старого міста Вільнюса жіночі поховання виділялися багатим похоронним інвентарем – головними вінчиками із тиснених бляшок, намистами, різного роду перстнями, браслетами, скроневими кільцями. Вивчення малюнків, форм, поширення бляшок на території Литви та суміжних держав дозволяє відстежити шляхи міграції перших православних жителів Литви.

Ключові слова: головні вінчики, могильник, «Civitas Rutenica», православна община.

Введение

Во время исследования погребальных памятников второй половины XIII–XV вв., находящихся в Литве и сопредельных территориях, в женских погребениях был обнаружен один тип украшений – головные венчики из теснённых металлических бляшек. Первый на них своё внимание обратил А. А. Спицин (Спицин, 1899). Он, опираясь на исследования погребальных памятников Черной Руси, предположил, что венчики не носились отдельно, а были частью головного убора (Спицин, 1899, С. 305). Венчики А. Спицин датировал XIV–XV вв., преимущественно XIV в. По мнению автора, бляшки от головных уборов вместе с перстнями плетённой передней частью и символическими ключами являются типичными и характерными маркерами каменных могильников Вильнюсской губернии (Спицин, 1899, С. 309). Позже, по мере нахождения погребальных памятников интерес к головным венчикам из теснённых металлических бляшек стал расти. Однако, в большинстве своем, в могильниках обнаруживалось одно или несколько погребений с такими находками. Обычно такие бляшки были сделаны из медного сплава, невысокого качества, с нечетко прослеживаемой орнаментацией. В этом периоде появляется несколько работ, посвящённых как публикации обнаруженного материала, так и более широкому его анализу (см. Navickaitė-Kuncienė, 1963; 1964; Urbanavičius, 1970; Kuncienė, 1974; Urbanavičius, Urbanavičienė, 1988).

Новый виток проявления интереса к этому типу украшений связан с открытием до этого неизвестного памятника — грунтового могильника Кривейкишкис в Кярнаве. В данном могильнике, обнаруженном в 1993 г., головные венчики из тесненных металлических бляшек были обнаружены «массово», а не в одиночных погребениях, как в других могильниках. Всего здесь было выявлено 292 погребения, в 33 из них были обнаружены головные венчики (Vėlius, 2005, p. 42). Правда, 4 из них были простые полоски, сотканые из металлизированных ниток. Материал по данному могильнику хорошо опубликован (Vėlius, 1997; Vėlius, 1998; Vėlius, 2001; Vėlius, 2005; Велюс, 2013). Отличительной чертой этого могильника в сравнении с другими могильниками того времени, находящимися на территории Литвы и соседних государств, является то, что большая часть головных венчиков (18 шт.) — серебряные позолоченные. Автор раскопок, опираясь на археологический материал, отвечает на вопрос, где производились металлические бляшки, описывает их хронологию, и, что является самым важным, предполагает, что прототипы головных венчиков из тесненных металлических бляшек могут быть диадемами, которые носились представителями древнерусской элиты (Vėlius 2001, p. 393).

В XXI в. началось обобщение накопленного материала, связанного с головными венчиками. В 2009 г. появилась большая обобщающая двухтомная работа Е. Святюкаса (Svetikas, 2009). В ней представлен обширный каталог ювелирных изделий XIII—XV вв. В данном каталоге нет самого нового материала из Вильнюса (дата выпуска монографии совпала со временем раскопок, во время которых был обнаружен новый материал, существенно дополнивший коллекцию головных венчиков из тесненных бляшек).

Во время археологических раскопок в 2005 г., в Вильнюсе, на территории по адресу ул. Бокшто, 6 был обнаружен до этого не известный археологический памятник — средневековый грунтовой могильник¹. Во время раскопок, так же, как и в Кярнаве, были массово обнаружены головные венчики из тесненных металлических бляшек, что способствовало более тщательному анализу этого типа ювелирных изделий. В литовской историографии нет единого мнения по поводу времени появления традиции

¹ Kvižikevičius L., Sarcevičius S. Žvalgomieji tyrinėjimai Bokšto g. 6 // ATL 2005 metais; Jonaitis R., 2006–2007 m. tyrinėjimai Bokšto g. 6 Vilniuje // ATL 2008 metais; Jonaitis R., Kaplūnaitė I. Tyrimai Vilniuje, Sklype Bokšto gatvėje 6 // ATL 2009 metais; Jonaitis R., Kaplūnaitė I. Tyrimai Vilniuje, Bokšto gatvėje 6 // ATL 2010 metais; Jonaitis R., Kaplūnaitė I. Senkapis Vilniuje, Bokšto gatvėje 6 // ATL 2011 metais; Kaplūnaitė I., Jonaitis R. Senkapis Vilniuje, Bokšto gatvėje 6 // ATL 2012 metais; Kaplūnaitė I., Jonaitis R. Senkapis Vilniuje, Bokšto gatvėje 6 // ATL 2014 metais.

ношения головных венчиков и времени ее существования (см. Luchtanas A., Vėlius G., 1996; Vėlius 2005; Svetikas E., 2009; Jonaitis R., 2013; Jonaitis, Kaplūnaitė, Vėlius 2016). Во-вторых, эта традиция (мода) вероятнее всего не местная, а появившиеся на территории Литвы откуда-то извне. Но откуда пришла такая мода на территорию этнической Литвы, и почему массово венчики обнаружены только в двух единственных центрах того времени – Кярнаве и Вильнюсе? И в-третьих, кто были носители этой моды и какое значение традиции ношения головных венчиков; кем были эти женщины носившие головные венчики и погребенные в грунтовых могильниках Вильнюса и Кярнаве?

Основной источник изучения головных венчиков – это средневековые грунтовые могильники. В культурных слоях городов и селищ бляшки от головных венчиков встречаются очень редко. Выделены 45 местонахождений бляшек от головных венчиков². Правда, тут не включены местонахождения на ул. Бокшто, 6 и Вяркяй. Больше всего венчиков обнаружено в двух могильниках – Кярнаве и Вильнюсе. Большинство из них были золотыми, позолоченными. В то время как в периферийных могильниках они сделаны из медных сплавов и в небольшом количестве.

В могильниках венчики обычно обнаружены так, как и носились – на лбу или опавшие, рядом с черепом (рис. 1). Поэтому, можно довольно точно описать модель того или иного венчика – по тому, из каких бляшек он был изготовлен. В то время как в городских культурных слоях, бляшки от головных венчиков обнаруживаются по одной бляшке или ее части.

Рис. 1. Погребение № 15. Головной венчик *in situ*. Фото Р. Йонайтис

² Svetikas E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab – XV a. – 2009.

На счет появления в Литве традиции ношения головных венчиков из тесненных бляшек, в литовской историографии бытуют два мнения. Сторонником одного из них является Е. Святикас. Он утверждает, что мода на ношение головных венчиков из теснённых бляшек в Литве появилась лишь с конца XIV в., а если точнее — с 1387 г., когда Литва официально приняла католическое крещение (см. Svetikas, 2009). Ношение головных венчиков он предписывает исключительно католической традиции. Другое мнение представляют исследователи археологического комплекса в Кярнаве — А. Лухтан и Г. Велюс. По мнению этих исследователей, мода на ношение головных венчиков в Литве бытовала в XIII—XV вв., а самое большее распространение получило в верховье бассейна реки Неман, в месте проживания ятвяжских племен (Luchtanas, Vėlius, 2005; Vėlius, 2005, p. 52, Велюс, 2013). Исследования на ул. Бокшто в Вильнюсе внесли больше ясности (или путаницы) в эту дискуссию и выдвинули третью гипотезу.

В данной статье, опираясь на археологический материал из могильника на ул. Бокшто в Вильнюсе, попытаемся установить, когда на территории этнической Литвы могла появиться мода на ношение головных венчиков из теснённых металлических бляшек. Также попытаемся ответить и на другие вопросы, связанные с ношением головных венчиков — откуда и кто мог принести эту традицию в Литву, а точнее в главные центры того времени — Кярнаве и Вильнюс.

Два центра

Во второй половине XIII—XIV вв. на территории этнической Литвы существовали два значимых княжеских центра — Кярнаве и Вильнюс. Они появились при стечении разных обстоятельств, но в основном по инициативе Великого князя (Gudavičius, 1999, p. 92). Надо отметить, что мотивация князя при создании таких важных центров была различна. Кярнаве (первая столица Литвы) была его вотчиной, там сосредоточивался экономический потенциал (ремесло и торговля), а появление княжеского двора в Вильнюсе отчасти связано с усилением военной мощи княжеской власти (Йонайтис, 2015, С. 309).

Топография этих двух княжеских центров очень схожа. Тут надо заметить, что расстояние между ними небольшое — 35 км. В обоих центрах есть холмистая местность, на которой располагалась княжеская резиденция и сеть замков на сопредельных холмах. В Кярнаве, кроме княжеского замка, были два замка, функцией которых было оборонять княжескую резиденцию, и укрепленное торгово-ремесленное поселение на четвертом городище. Недавно было выявлено и пятое городище, значение которого описывается как обзорное. Так же это городище могло быть использовано в качестве религиозного места (Vėlius, 2005, psl. 20). В Вильнюсе же княжеская резиденция на горе Гядимина и холмистая местность

Алтария, где располагались Кривой замок и укрепленное поселение на холмах – Кривой город. Также в обоих центрах были неукрепленные поселения в низине реки Нярис, между рекой и княжеской резиденцией. В Кярнаве в середине XIII в. поселение занимало площадь около 13,5 га, в Вильнюсе у северного подножья горы Гядимина – около 0,9–1,2 га (Vaitkevičius, 2010a). В долине Паяутос, в Кярнаве, жили ремесленники и торговцы, о чем свидетельствует найденный обширный материал, связанный с торговлей и ремеслом (Vėlius, 2005, p. 20). Археологические данные, полученные при исследовании северного подножья горы Гядимина в Вильнюсе, свидетельствуют о наличии здесь военной дружины и ремесла связанного с военным делом (Vaitkevičius, 2010b: p. 64).

Как в Вильнюсе, так и в Кярнаве, обнаружены одновременные грунтовые могильники, датируемые второй половиной XIII–XIV вв. Локализация самих могильников тоже схожая – они находятся почти на одинаковом расстоянии от ранних обжитых территорий. Оба могильника находятся на высоких террасах. Как будет показано позже, археологический материал данных могильников тоже почти идентичен. Также надо упомянуть, что один из археологических памятников (пока что) обнаружен только в Кярнаве. Это могильник по обряду трупосожжения, когда кальцинированные кости высыпались в русло реки Кярнавеле (Baltramiejūnaitė, Vengalis, 2010; Vengalis, 2011). Археологический материал, обнаруженный при исследовании этого могильника, идентичен с археологическим материалом из селения в долине Паяутос (Vengalis, 2011, p. 126).

Однако, в топографии этих двух центров, по нашему мнению, есть и отличия. Вильнюс из-за сложного рельефа как бы распределен на отдельные зоны, где жители разных конфессий могли жить поодаль друг от друга (Йонайтис, Вяжявичене, 2009). Рельеф в Кярнаве был не таким сложным. Не выявлено никаких ориентиров, которые говорили бы о каких-то отдельных зонах, как в Вильнюсе. Еще одна, по нашему мнению, существенная разница – это то, что в Вильнюсе до сих пор не обнаружен могильник по обряду трупосожжения, датируемый XIII–XIV вв. Можно предположить, что в Вильнюсе тоже был такой могильник, но из-за плотной застройки территории нынешнего старого города уничтожен или еще не найден. Мест, для предполагаемой локализации могильника, когда сожженные кости высыпались в реку, в Вильнюсе достаточно. Например, речушка Вингре или множество других безымянных больших и малых источников, которые, несомненно, были на территории нынешнего старого города Вильнюса. С точки зрения полиоркеттики, Кярнаве и Вильнюс так же не похожи друг на друга – территория Вильнюса меньше, но она лучше охраняема естественными природными преградами и труднее доступна (Vaitkevičius, 2010b, p. 51).

В обоих центрах прослеживается резкий подъем. В Кярнаве он наблюдается со второй половины XIII в., в Вильнюсе — с десятого десятилетия XIII в. К сожалению, в Кярнаве не сделан дендрохронологический анализ, который внес бы больше ясности в то, были ли Вильнюс и Кярнаве одновременными княжескими центрами или нет. Для выполнения больших масштабных работ, таких как строительство деревянного замка (или нескольких замков), освоение больших территорий нужно было не только понимание великого князя, но и большой приток новых людей. Эти люди могли прийти как с из сопредельных территорий, так и по инициативе князя переселены с более отдаленных мест. Это могли быть как беженцы от агрессии обеих ветвей Ордена, так и переселенцы из других краев. Археологический материал обеих могильников указывает на то, что это могло быть прибывшее население православной веры. Хотя из-за этнической принадлежности погребенных в этих могильниках, в Литве еще продолжается дискуссия (Jonaitis, 2013; Велюс, 2013).

Если подъем Кярнаве и Вильнюса произошел почти в одно и то же время, то причины такого роста были разные. Это становится заметным, если говорить о роде занятий населения, жившего в этих центрах. В Кярнаве поселились православные купцы и ремесленники. Во время археологических раскопок в долине Паяутос обнаружены фрагменты усадеб, принадлежащих ремесленникам, а именно ювелиру и мастеру по обработке кости (Luchtanas, Vėlius, 2005: p. 46). Присутствие купцов показывают находки гирек и их фрагментов, которые были обнаружены не только в Нижнем городе, но и в грунтовом могильнике (Vitkūnas 2005: p. 118). Совсем другая причина, связанная с появлением Вильнюса, как княжеского двора. И этой причиной является военное дело. У северного подножья горы Гядимина в Вильнюсе в ранних культурных слоях обнаруженная керамика качественнее по сравнению с керамикой, обнаруженной в одновременных городищах и поселениях (Vaitkevičius, 2010: p. 53). Здесь, у северного подножья, не обнаружено импортных изделий, лома серебра и другого материала, который может быть связан с торговлей. Ремесла, которые удалось зафиксировать, были связаны не сколько с бытом или хозяйством, сколько с военным делом (Vaitkevičius, 2010: p. 64). Очевидна разная потребность основания княжеских дворов: Кярнаве связана с экономической основой князя — ремеслом и торговлей, а в Вильнюсе концентрировался военный потенциал, связанный с княжеской военной мощью, в усилении которой могла способствовать и прибывшая военная дружина. Как указывает Едвардас Гудавичюс, русские отряды были неотъемлемой составной частью Литовского войска (Gudavičius, 1999: p. 81).

Еще одно существенное отличие между Вильнюсом и Кярнаве то, что в Вильнюсе достоверно известно о существовании территории, на

которой жила община православной веры. В историографии он известен под названием «Civitas Rutenica». Так же используется и другое название — Русский конец. Чтобы лучше понять причины и возможные пути появления моды на ношение головных венчиков, нам надо коротко просмотреть историю Русского конца — от возможного его появления до исчезновения, как отдельной самобытной части города.

«Civitas Rutenica» в Вильнюсе

Первое упоминание «Civitas Rutenica» в Вильнюсе найдено в хронике Виганта Марбургского во время похода Ордена на Тракай и Вильнюс и датировано 1383 г. (Marburgietis, 1999, p. 185). Однако археологический материал показывает, что православные в Вильнюсе жили уже со второй половины XIII в. Тут надо иметь ввиду, что северное подножье горы Гядимина и Русский конец — это отдельные части, это не одно и то же.

Вероятно, что первые православные в Вильнюсе могли поселиться еще при правлении великого князя литовского (ВкЛ) Витяня. Витянис приглашал купцов и ремесленников из Ливонии (Kaplūnaitė, 2015, p. 39). Вероятно, что он также приглашал купцов и ремесленников из славянских земель. В 1323 г. ВкЛ Гядимин в своих письмах приглашал в Вильнюс прибыть купцов и ремесленников из городов Западной Европы, гарантируя им свободу вероисповедания (Gedimino laiškai, 2003). Зная обширную опеку и гарантированные привилегии, а христиане и гарантии вероисповедания, в город прибыло немало количество купцов и ремесленников из Германии — Саксонии, Силезии, Любека и других Ганзенских городов. Вместе с купцами из Руси и Ливонии они стали самым богатым классом горожан.

Можно выделить несколько причин иммиграции православного населения как в ВкЛ, так и в Вильнюс. Это события 1240 г. в Киевской Руси, когда она попала в сферу влияния татаро-монголов. На территории «Civitas Rutenica» в самом начале должны были поселиться не обычные граждане. Без сомнения, первыми православными иммигрантами должны были быть купцы и ремесленники. Опека великих князей и их жен (имеется в виду обе православные жены ВкЛ Ольгерда), а также гарантии свободного вероисповедания; условия поселения и жизни поодаль от язычников. Для Литвы большое значение имела торговля с Востоком и оттуда прибывающие человеческие ресурсы (Nikžentaitis, 1996, p. 22–23).

На сегодняшний момент археологические данные являются основным источником, предоставляющим информацию о «Civitas Rutenica». Православное поселение обосновалось в восточной части нынешнего старого города Вильнюса, возле брода через реку Вильня и перекрестка трех дорог, ведущих на Полоцк, Смоленск и Мядининкай. Это было отдалённое от городского замка место, рядом с коммуникационным узлом (Jonaitis, 2011, p. 110).

Самый ранний культурный слой на территории Русского конца, датируемый стыком XIII–XIV вв., обнаружен на пересечении нынешних дорог Латако и Бокшто, а также на территории комплекса по адресу ул. Бокшто, 6. Часть бытовой керамики, обнаруженной в этом слое, имела форму и керамическую массу, не свойственную местным изделиям (Vaitkevičius, 1999, p. 23–25). Было бы логично предположить, что «Civitas Rutenica» мог появиться раньше, в конце XIII в. Это подтверждает и археологический материал из могильника Бокшто, 6, и данные по С14, полученные из этого же могильника.

На расположение Русского конца, несомненно, влиял и рельеф местности. А именно, самые ранние улицы этого поселения, которые совпали с нынешними улицами Ишганитоё, Латако и Бокшто, появились на месте естественных оврагов. Этот квартал граничил с тремя самыми ранними церквями: Св. Параскевы, Св. Николая и церковь Пресвятой Богоматери (с 1415 г. – собор).

По свидетельству летописи Никона, церковь Пресвятой Богоматери основал Великий князь Ольгерд. в середине XIV в., её построили в стиле Византической готики мастера, прибывшие из Киева (Jonaitis, 2013, p. 37).

Церковь Св. Параскевы, по мнению большинства авторов, была основана первой женой ВкЛ Ольгерда Марией Витебской в 1345 г. Это была первая каменная церковь в Вильнюсе (Jonaitis, 2013, p. 37). Территория между этими тремя церквями напоминает сформированный природой треугольник, благодаря этой логически осмысленной фигуре можно было без особого труда выполнять коммуникационные и оборонительные функции. Православные храмы обычно строились, принимая во внимание городской периметр и рельеф, для того, чтобы они могли исполнять роль своеобразных форпостов. Прибывающие в город чужестранцы сразу могли распознать принадлежность той или иной части города. Расположение Русского конца показывает, что контроль дорог восточного и южного направлений принадлежал православным.

Более яркое развитие Русского конца наблюдается в 4–5 десятилетия XIV в. В это время было «перенесено» русло реки Вильняле – это для Русского конца имело двойную пользу (Jonaitis, 2013, p. 37). Во-первых, увеличилась территория Русского конца, а во-вторых, восточная граница пригорода стала более безопасной. Заметен всплеск строительства церквей, строительство особенно поддерживали обе православные жены ВкЛ Ольгерда – Мария Витебская и Елена Тверская. Если около 1349 г. на территории «Civitas Rutenica» было 3 церкви, то в конце XIV в. – уже 10.

Влияние православного населения со второй половины XIV в. напрямую можно связать с деятельностью второй жены Ольгерда Елены,

особенно после кончины Великого князя. К конкретным ее действиям, способствующим увеличению роли православных в Литве, без сомнения, надо выделить ею поддерживаемый, а может быть и задуманный, проект православного крещения Литвы в середине девятого десятилетия XIV в (Nikžentaitis, 1996, p. 23).

В конце XIV в. развитие русского конца приобрело внушительную силу. В это время он уже расширился и в западном направлении³. Скорее всего, Русский конец мог охватить территорию к востоку от речки Вильня. По имеющимся данным можно предположить, что в конце XIV в. «Civitas Rutenica» занимал территорию площадью примерно в 10–12 га.

Все это проанализировав, можно сделать вывод, что территория русского конца прослеживается по распространению ранних церквей и по линиям улиц. Также, сопоставив исторические и археологические данные, можно определить время строительства той или иной церкви, с точностью до четверти века (Jonaitis, 2011, p. 126).

В конце XIV в., скорее всего после 1390 г., когда объединённое войско крестоносцев и ВкЛ Витовта сожгли Кривой замок и Кривой город в Алтарии, урбанистическая структура Вильнюса кардинально изменилась – началось заселение северной и западной частей нынешнего старого города Вильнюса (Sargevičius, Valionienė, Pugačiauskas, 2016, p. 100–101). Около седьмого десятилетия XIV в. католики поселились на территорию рядом с источниками Вингре, тем самым начав освоение немецкого или католического пригорода Вильнюса (Каплунайте, 2013, С. 157–158).

В начале XV в. плотность заселения города значительно возросла. Активно расширяясь, к Русскому концу с западной стороны приближался католический пригород, где в середине XV в. территории, заселенные православными и католиками, сошлись на Ратушной площади.

«Civitas Rutenica» имело свое начало, а в Литве, приняв католическое крещение, неизбежно имело и свой, как отдельной части Вильнюса, конец. Началом конца можно считать 1387 г., когда официальной религией в Литве стало католичество, и в связи с тем, Йогайлой издано несколько привилегий. Обобщая конец «Civitas Rutenica» можно констатировать, что с первой половины XV в., Русский конец постепенно «приближался» к начинающему формироваться основному торгу Вильнюса, на месте нынешней Ратушной площади (Jonaitis, Kaplūnaitė. 2007: p. 79). В начале XVI в., построив Вильнюсскую оборонительную стену, территория, населенная православными, соединилась с католической частью

³ Русский конец за все время своего развития никогда «не перешагнул» дорогу, ведущую от территории замков на юг, в сторону Мядининкай. Это свидетельствует о том, что развитие Русского конца могло контролироваться великим князем.

Вильнюса (Каплунайте, 2011: р. 238). При слиянии в одно целое отдельных частей города и при ускорении процесса ассимиляции, постепенно исчезала и самобытность Русского конца. Конечно, процесс исчезновения «Civitas Rutenica», как своеобразной части Вильнюса, не произошёл быстро, он растянулся, по меньшей мере на два столетия (Йонайтис, Вяжявичене, 2009: р. 97).

Могильник

В 2005 г. в Вильнюсе на ул. Бокшто, 6 был обнаружен до того не известный памятник – грунтовый могильник. В одном из шурфов на глубине 2 м было обнаружено несколько костяков без какого-либо датирующего материала. Всего в этом году было исследовано 67 м². Авторы раскопок захоронения предварительно датировали не позднее середины XVI в. (Kvizikevičius, Sargevičius, 2006, р. 352). Так как эта территория общей площадью около 8000 м² была выкуплена в частную собственность, перед началом каких-либо земляных работ было запланированы детальные археологические раскопки.

В 2006–2007 гг. раскопки проводились во всех 4 корпусах (Jonaitis, 2009). В этом сезоне (с сентября 2006 г. по июнь 2007 г.) было исследовано 1539 м². В большинстве раскопов (особенно в корпусах 1 и 3) раскопки проводились лишь до культурного слоя, датируемого второй половиной XV – началом XVI в. Так было потому, что, копая глубже, был большой риск «повесить» фундаменты зданий. Однако, в тех местах, где удалось достичь материка, в корпусах 1 и 3 на глубине 2–2,2 м было обнаружено 60 погребений по обряду труположения. Почти все погребения были без погребального инвентаря. А тот погребальный инвентарь, что был обнаружен, имел очень широкую датировку – XV–XVI вв.

В 2009–2010 гг. (с мая 2009 г. по декабрь 2010 г.) были закончены раскопки в корпусах и начаты раскопки в западном дворе комплекса (Jonaitis, Kaplūnaitė, 2010; Jonaitis, Kaplūnaitė, 2011). Во время раскопок на глубине 2–2,5 м был обнаружен горизонт погребений. Часть погребений было с богатым погребальным инвентарём – головными венчиками из серебряных и позолоченных бляшек, серьгами, ожерельями, разными перстнями, символическими ключами и пр.

В 2011 г. раскопки были продолжены в западном дворе и начаты в восточном дворе (Jonaitis, Kaplūnaitė, 2012). В сезоне 2009–2011 гг. была исследована территория общей площадью около 2000 м². Как и в предыдущие сезоны, во время раскопок было обнаружен горизонт погребений. Некоторые захоронения были с погребальным инвентарем. Всего, за три сезона 2009–2011 гг. было исследовано 388 погребений.

В следующем сезоне, в 2012 г., раскопки проводились в обоих дворах комплекса, а также и в небольшом закрытом дворике в северной части комплекса (Kaplūnaitė, 2014). Была исследована территория общей

площадью около 473 м². Как и предполагалось, были обнаружены 44 погребения, часть из них с погребальным инвентарем. Тут надо выделить несколько погребений с свободной ориентацией, обнаруженных в восточном дворе, далеко за пределами могильника и гораздо ниже других погребений. К сожалению, эти 5 отдельных погребений были без погребального инвентаря. Можно только предположить, что эти погребения являются одновременные с могильником.

В последнем сезоне 2014 г. все внимание уделялось исследованию восточного двора (Kaplūnaitė, 2016). Так же несколько небольших раскопок было исследовано и в западном дворе. Всего исследовано 885 м², обнаружено 42 погребения. Кроме тех погребений, которые мы и надеялись найти, было обнаружено 7 погребений в самой восточной части восточного двора. Они были на глубине более 7 м, так как восточный двор имел большой уклон в сторону реки, с XVII в. он постоянно засыпался, так повышая поверхность и делая её более пологой. Эти погребения также были без погребального инвентаря. Более точная датировка этих погребений остается под вопросом.

Итак, проведя анализ погребений, их топографии, пересмотрев весь погребальный инвентарь, и все сопоставив с стратиграфией и топографией самого могильника, можно сделать несколько обобщений.

Во время археологических раскопок, в центральной части Русского конца в Вильнюсе, обнаружен грунтовый могильник, в котором все погребения были совершены по обряду ингумации. За все время раскопок обнаружено 532 погребения, часть из них с богатыми ювелирными украшениями. Соединив воедино все данные (стратиграфию, погребальный инвентарь, данные радиоуглеродного анализа) можно определенно назвать время использования могильника – это вторая половина XIII – начало XV вв., т. е. около 150 лет. Все погребения были в могильных ямах (глубиной до 50 см), ориентированы головами на запад (лицом на восток), часть из них были погребены в гробы напоминающих деревянных конструкциях (почти не было обнаружено гвоздей, лишь деревянный тлен). Из этого всего следует, что могильник христианский, а если точнее, то в нем были погребены люди православной веры (о признаках христианских погребений см. Мусин 2002, С. 33–55). Не обязательно это были прибывшие, тут могли быть погребены и местные горожане, принявшие православную веру. В тот момент в Вильнюсе была лишь небольшая католическая (францисканская) миссия. Лишь в конце XIV в., перед самым крещением Литвы в 1387 г., на западе нынешнего старого города Вильнюса был основан католический пригород (Kaplūnaitė, 2015). В пользу того, что в данном могильнике могли быть погребены православные, говорит и то обстоятельство, что в XIII–XIV вв. в языческой Литве умерших сжигали.

Так как в Вильнюсе и Кярнаве в грунтовых могильниках погребальный инвентарь очень схож и по времени и по содержанию, эти два могильника стоит рассматривать совместно.

Погребальный инвентарь

Погребения, в которых был обнаружен какой-либо погребальный инвентарь, составили не большую часть – всего 44 погребения (8,14%). Это меньший процент, чем в одновременном могильнике в Кярнаве⁴. Самую большую группу погребального инвентаря составили украшения, головные венчики из металлических бляшек, серьги, ожерелья, браслеты и разного рода перстни. Больше всего найдено перстней (29 шт.) и головных венчиков (21 шт.). Далее серьги (6 шт.), браслеты (5 шт.) и символические ключи (4 шт.). Сравнив погребения с погребальным инвентарём, больше всего обнаружено венчиков, потому что перстней было и по 2 (6 погребений) и даже по 3 (2 погребения). Самым богатым является погребение № 114 – где похоронена девушка – тут обнаружено 7 предметов (рис. 2). В двух погребениях найдено по 5 предметов. В других двух погребениях обнаружено по 4 предмета. В остальных погребениях число найденных предметов колеблется от одного до трёх. Обобщив всю статистику по погребальному инвентарю, не удалось выявить какую-нибудь последовательность. Например, в могильнике Кривейкишкис в Кярнаве очень часто в одном погребении находились головной венчик из металлических бляшек и перстень. В Вильнюсском случае, таких погребений, где был и головной венчик, и перстень, было всего 7.

Больше всего погребальный инвентарь обнаружен в женских погребениях – 26 (59%). Детских погребений с погребальным инвентарем было 11 (26%). Лишь в 4 (10%) мужских погребениях

Рис. 2. Погребение № 114 *in situ*.
Фото А. Бальтенас

⁴Vėlius G. Kernavės miesto bendruomenė XIII-XIV amžiuje. Vilnius, 2005, p. 40–42.

был обнаружен погребальный инвентарь. В остальных трех не удалось установить пол погребенных.

Тут мы остановимся на головных венчиках из тисненых металлических бляшек, и посмотрим, что они из себя представляют. Как выглядел и как носился такой головной убор? На полоску из ткани или кожи через отверстия в углах пришиваются металлические бляшки, которые, в свою очередь, еще обшиваются мелким бисером. Бляшки бывают разных форм — пятиугольные, прямоугольные, треугольные, круглые, формы геральдической лилии, формы полумесяца и пр. Также известно довольно много мотивов изображений на этих бляшках — от простых геометрических до сложных растительных. Все бляшки изготовлены методом тиснения (рис. 3).

Рис. 3. Отреставрированный головной венчик из погребения № 21.

Фото А. Блажис

Вильнюсские тисненые бляшки выделяются высоким ювелирным мастерством. Большая часть погребений, в которых были обнаружены венчики, находились в центральной, самой ранней части могильника. Из общего контекста таких погребений выпадает погребение № 315, находящееся в периферии могильника, в юго-восточной его части. Однако, по данным радиоуглеродного анализа, это погребение попадает в «чистый» XIII в., и является одним из самых ранних захоронений могильника. Также, очевидно выделяется группа погребений с венчиками в южной части могильника. Можно предположить, что в топографии могильника все-таки прослеживается социальная дифференциация — богатые погребения концентрируются в одном месте.

Венчики из могильника на ул. Бокшто, 6 носились на кожаных или тканевых полосках. Раньше предполагалось, что венчики носились на

шапочках (Volkaitė-Kulikauskienė, 1997: p. 86). Однако, в Вильнюсском могильнике таких шапочек не обнаружено либо они не сохранились. Среди 21 венчика, найденного на ул. Бокшто, три венчика были простые полоски – сотканые из металлизированных ниток.

До сегодняшнего дня самый обширный анализ, классификацию венчиков, найденных на территории Литвы и сопредельных территорий, сделал Е. Святикас (Svetikas, 2009). Все найденные бляшки от венчиков он распределил на группы и варианты. Однако, большинство бляшек, найденных на ул. Бокшто, не попадают под эту классификацию и сами могут создать отдельные группы и варианты.

Итак, всего в могильнике на ул. Бокшто было обнаружено 22 головных венчика, три из них были полоски, сотканые из металлизированных ниток. Установив, какого возраста женщины погребены с головными венчиками, наблюдается интересная ситуация, отличающаяся от могильника в Кярнаве. Там головные венчики были популярны среди женщин в возрасте 20–29 лет (Vėlius 2005, psl. 50). В Вильнюсском могильнике венчики были популярны среди женщин 40 лет и старше, почти 60% всех погребений с венчиками.

Исследователи Кярнаве, ношение венчиков связывают с культом женщины как роженицы (Vėlius 2005, psl. 50). Тут речь не идет о богатстве – как в Кярнаве, так и в Вильнюсе, погребения с венчиками, как правило, имели богатый погребальный инвентарь. Не можем не согласиться, что головной венчик подчеркивает статус его носившей женщины как продолжательницы рода. Но почему женщины из Кярнаве, носившие венчики, на десятилетие моложе, чем женщины, похороненные в Вильнюсе? Может быть, позже рожали? Вряд ли. Вероятнее всего, венчики в Вильнюсе также подчеркивали статус женщин как матерей, родивших не одного ребенка.

Таким образом, пересмотрев все венчики из Вильнюсского могильника, видно, что бляшки разнообразны как по своей форме, так и по орнаментации. Большинство бляшек серебряные, позолоченные, сделаны при помощи техники тиснения. Очевидная преемственность техники изготовления ювелирных изделий. Этот метод мог появиться в Вильнюсе (и Кярнаве) вместе с прибывшим православным населением. В могильнике на ул. Бокшто, 6 найденные венчики мы датируем второй половиной XIII – концом XIV вв. Аналогии в археологическом материале имеют пятиугольные бляшки из погребения № 15 и квадратные из погребения № 21. Схожие бляшки найдены в Кярнаве и в Маркинятах (Гродненская обл., Белоруссия) (см. Святикас, 2009). Аналогии остальным бляшкам пока что не удалось найти. То, что большинство Вильнюсских бляшек были местного производства, найденные только в могильнике на ул. Бокшто, позволяет говорить о слабых матрицах для производства.

Может быть, такой матрицы хватало на изготовления одного или нескольких головных венчиков.

Обобщая весь погребальный инвентарь из Вильнюсского могильника, можно выделить несколько особенностей. Большинство украшений свойственно не для литовцев, а для славян, однако имеющих местные особенности. Например, нами рассматриваемые головные венчики: славянские украшения обычно бывают из прямоугольных бляшек, а в Литве – из пятиугольных или пятиугольных и прямоугольных. Отличается и орнаментация бляшек, и их расположение (Kuncienė, 1974: p. 70). Другой тип украшений, найденный в могильнике, это многобусинные височные кольца. Они были популярны не только в Водской пятине Новгородской земли. Ареал их распространения гораздо больше: они известны в северной Эстонии, Латвии, Псковских землях, Понеманье, Подмоскowie и некоторых других районах (Лесман, 1990b: p. 100). Большая вероятность, что многобусинные височные кольца указывали на конфессиональную, а не этническую принадлежность их носивших женщин. В целом серьги – украшения славянского происхождения (Vėlius, 2005: p. 59). Однако, полые перстни с стеклянными вставками, без всякого сомнения, это уже производство местных мастеров. Аналогий в русской археологической литературе пока что не удалось найти. Один такой перстень известен из ятвяжских могильников (Kviatkovskaja, 1998: p. 93).

Для того, чтобы показать уникальность археологического материала из могильников Кярнаве и Вильнюса, уместно рассмотреть головные венчики, найденные в периферийных могильниках Литвы и в соседних странах. В монографии Е. Святикаса основные акценты, уделенные головным венчикам – это их форма и орнаментация (Святикас, 2009). Однако, мы, сравнивая головные венчики, хотим выделить еще один, не менее важный акцент – это материал, из которого сделаны венчики.

Пересмотрев археологический материал из могильников в Литве, находящихся вдали от двух главных княжеских центров, можно сделать три вывода. Во-первых, периферийные бляшки ни по форме, ни по орнаментации не отличаются от найденных в Вильнюсе и Кярнаве. Во-вторых, в периферийных могильниках, в погребениях которых были головные венчики из металлических бляшек, было очень мало. Как правило, таких погребений найдено от одного до четырех. Также, исследуя могильники, бляшки были не в погребениях, а в культурном слое – туда они, вероятно, попали из разоренных погребений. В-третьих, это металл, из которого были сделаны бляшки. Все они сделаны из латуни или из медных сплавов, а не из серебра, в княжеских центрах. Что наводит на мысль – периферийные бляшки, это дешевые копии Вильнюсских и Кярнавских бляшек. Может быть, что для рынка изготавливались бляшки двух типов: серебряные и из медных сплавов. Видно, что два княжеских центра того

времени – Кярнаве и Вильнюс – диктовали моду общинам, жившим в периферии. Люди, жившие в этих общинах, не обязательно должны были быть прибывшими православными или местными принявшими православие. Это могли быть обычные местные люди, желавшие просто выглядеть модно, но не имеющие достаточно средств для дорогих украшений.

Во время дискуссий об этнической принадлежности этих двух могильников часто высказывается мнение, что на Руси нет ни одного городского могильника, где так массово были найдены венчики (Велюс, 2013, С. 70). Однако, такие могильники есть, и не один. Поэтому, целесообразно имеющиеся данные из могильников в Кярнаве и Вильнюсе сравнить с данными могильников городов Руси. Особенно, имея ввиду, что и в Вильнюсе, и в Кярнаве похоронены люди православной веры. В городах и могильниках Черной Руси такие головные венчики встречаются, хотя не так массово, как в Кярнаве или Вильнюсе. Как уже упоминалось ранее по Е. Святिकासу, таких местонахождений, где были обнаружены головные венчики, всего выявлено 45 – как в ВКЛ, так и в сопредельных территориях (Svetikas, 2009, p. 34). В эти местонахождения попадают территории нынешних Литвы, Латвии, Белоруссии, территория бывшего Галицко-Волынского княжества, окрестности Санкт-Петербурга. Такие бляшки были обнаружены и в культурных слоях городов северо-запада России.

Не мало «курганно-жальничных» могильников было найдено и отчасти исследовано в Санкт-Петербургской губернии (Соболев, 2007). В культурных слоях Новгорода второй половины XII–XIII вв. обнаружены тисненые бляшки разных форм – круглые, прямоугольные (Седова, 1981, С. 153).

Чтобы понять, откуда в Литве появилась мода на ношение головных венчиков, надо посмотреть, как такая мода могла появиться на Руси. С конца XI в. на ношение одежды на Руси прослеживается влияние Византии. Это, без сомнения, связано с христианизацией Руси. Во второй половине XI – первой четверти XIII вв. в изготовлении украшений применялись разные техники. Это говорит о высоком уровне ювелирного мастерства (Жилина, 2010, С. 188–189). В это же время развивается и распространяется техника тиснения. Пик распространения техники тиснения приходится на стык IX–X вв., а развитые формы тиснения датируются серединой X в. включительно. С этим согласны большинство исследователей (Корзухина, 1946; Рыбаков, 1948; Каргер, 1958; Vėlius, 2005). По мнению Б. Рыбакова, техника тиснения появилась в древнерусских городах при влиянии Византийской культуры (Рыбаков, 1948, С. 305). Именно при помощи техники тиснения, можно было делать более мелкие, но не менее красочные изделия, в нашем случае – бляшки.

Такие бляшки использовались, как и для декора одежды, так и для головных венчиков. Тут мы согласны с Г. Велюсом, что прототипом в Литве обнаруженных головных венчиков являются диадемы, носимые элитой древней Руси (Vėlius, 2001, p. 393). Несомненно, что головные венчики из тисненых бляшек появились на территории этнической Литвы, развиваясь в технике тиснения. Полностью овладев техникой тиснения, мастер-ювелир мог производить больше качественной продукции не только княжескому двору, но и для обычных горожан.

Однако, как традиция ношения и изготовления головных венчиков появилась в Кярнаве и Вильнюсе, а потом распространилась на территории этнической Литвы? Как уже упоминалось, эта традиция появилась в Византии, а уже оттуда распространилась в городах древней Руси. Бляшки от головных венчиков найдены и белорусском Понеманье-Новогрудке, в части ятвяжских могильников (Гуревич, 1981; Kviatkovskaja, 1998).

Чтобы лучше понять, когда мода ношения головных венчиков появилась в Литве, надо выяснить предполагаемое время поселения первых людей православной веры в Литве. Тут мы задаемся вопросом – могли ли поселиться первые православные общины в Литве при правлении ВкЛ Трайдяниса?

Установление политических отношений с Львом Даниловичем показывает, что Трайдянис, несомненно, был сильным и влиятельным. Вряд ли Лев Данилович хотел бы иметь дело с никому не известным и слабым князем (Jonaitis, 2013, p. 19). Имея свою главную и основную резиденцию в Кярнаве, Трайдянис заботился не только охраной границ Литвы, но и централизацией государства (см. Dubonis, 2009).

Для создания княжеских дворов нужна была не только инициатива князя и его понимание о пользе централизации государства, но и своеобразного импульса, толчка извне. Первые широко используемые иностранцы были немцы францисканцы, подготавливавшие крещение Миндовга (Varonas, 2006, p. 16–17). В нашем случае, это могли быть соседние христианские государства и имеющиеся там человеческие ресурсы, особенно древнерусские земли. Надо не забывать, что на раннем этапе отношения между Трайдянисом и Львом Даниловичем основывались не только на обмене подарками, но и на взаимовыручке (Dubonis, 2009, p. 79–80). Понимая все это важно выяснить, какова могла быть эта помощь, а именно чем помощь Льва Даниловича могла быть полезна для Трайдяниса. Можно предположить, что одной из форм помощи Льва Даниловича, могла быть помощь человеческими ресурсами. Люди, которые могли иметь влияние не только на окружение великого князя, но и на другие слои общества. Особенно, если иметь в виду, что в повседневной жизни общества больше всего прослеживается влияние с востока (Nikžentaitis, 1996: p. 23). А то, что такое влияние было, можно судить

хотя бы по тому, что все три брата Трайдяниса Барза, Лиесис, Сирпутис и Свилькянис приняли православную веру (Vėlius, 2005, p. 17).

Результаты археологических исследований так же показывают, что в Кярнаве был какой-то резкий толчок. Именно в середине – второй половине XIII в. археологически отслеживается быстрый рост Кярнаве – в большей части долины Паяутос поселяются ремесленники, замки превращаются в мощную оборонительную систему (Vėlius, 2005: p. 22; Luchtanas, Vėlius, 2005: p. 51; Vitkūnas, 2005: p. 64). Что могло способствовать такому толчку, определившему подъем Кярнаве? По нашему мнению, можно выделить несколько причин. Во-первых, как уже упоминалось, Кярнаве – это вотчина Трайдяниса. Во-вторых, эта агрессия обоих Орденов, из-за которой надо было быстро укреплять военно-защитную мощь Кярнаве. В-третьих, для всего этого должна была быть экономическая основа, которую могли обеспечить квалифицированные купцы и ремесленники. Из-за того, что перемены были очень резкими, и появляется гипотеза, что причиной подъема стали новые люди с новыми идеями и опытом. Потенциала местного населения уже не хватало. Великий князь должен был понимать, какую выгоду могли приносить иностранцы христиане, в нашем случае православные; потому что в нами рассматриваемый период, первые колонии чужестранцев могли основаться только по инициативе великого князя. То, что в Кярнаве могла жить община православной веры, показывает материал и могильника Кривейкишкис (Zabiela, 1998: p. 356, Dubonis, 2009: p. 167; Lietuvos, 2011: p. 79). По мнению Г. Велюса, исследовавшего данный могильник, «Культурная ориентация общины Кярнаве, явно была направлена в сторону соседних славянских городов» (Vėlius, 2005: p. 90).

Другой важный вопрос – кто были эти прибывшие люди и как они попали на территорию этнической Литвы? Альвидас Никжентайтис выделяет четыре основных способа, которыми в XIII–XIV вв. чужестранцы попадали в Литву: 1) военнопленные; 2) беженцы из земель, завоеванных Орденом; 3) духовенство; 4) ремесленники, купцы (Nikžentaitis 1996: p. 19). Захватнические походы между литовцами и русскими не могли изменить этническую ситуацию, а если и могли, то очень незначительно. Беженцев из завоеванных Орденом земель, как и пруссов, князь поселял в межплеменных пустырях, находящихся на окраинах литовских земель (Nikžentaitis, 1996: p. 19). То же самое можно сказать и о ятвягах – письменные источники упоминают их поселение в Литве (Dubonis, 2009: p. 130). Яркий ятвяжский след, некоторые исследователи видят в археологическом материале из могильника Кривейкишкис в Кярнаве (Велюс, 2013). Правда, появляется натуральный вопрос – если иметь ввиду то, что в могильнике Кривейкишкис погребены именно православные (акцентируем конфессиональную, а не этническую принадлежность), может быть

в Кярнаве прибывшие ятвяги уже приняли православную веру? В какой мере ятвяги были под воздействием православной веры? Это важный вопрос для будущих исследований.

Как заметил А. Никжентайтис, православие было относительно популярным среди литовцев (Nikžentaitis 1996: p. 22). Особенно, если сравнивать с агрессивной политикой распространения католичества, которую проводил Орден. Православное духовенство могло беспрепятственно распространять веру среди язычников. Это хорошо иллюстрирует нами уже упомянутый факт — все братья Трайдяниса были православными. Позже, при правлении Великого князя Гядимины, его сестра была православной и жила в монастыре в Вильнюсе. Исторические источники упоминают православного духовника Нестора, в середине XIV в. в Вильнюсе, который мог свободно совершать православные обряды, как в окружении князя, так и в самом городе (Баронас, 2004: p. 162). Возможно предположение, что православного духовенства не было много, и оно не имело большого влияния на этническую ситуацию. Другое дело ситуация конфессиональная. Людей православной веры в Вильнюсе действительно было немало. Этому свидетельствует акция крещения, устроенная ВкЛ Ягелло, когда во время массового крещения горожан было крещено половина жителей Вильнюса. Значит, другая половина могла быть уже принявшая христианство — т. е. православные или католики.

Слой прибывших купцов и ремесленников должен был быть самым многочисленным. Говоря конкретно о Кярнаве, все исследователи согласны с тем, что в долине Паяутос было поселение ремесленников и купцов (Vėlius, 2005; Vitkūnas, 2005; Luchtanas, Vėlius, 2005; Dubonis, 2009; Jonaitis, 2013). Правда, есть разногласия насчет их этнической и конфессиональной принадлежности. Трайдянисом сказанные слова о подчиненных купцах — «деревенщина (простолюдины) и собаки» — некоторых исследователей навело на мысль о низком социальном статусе подчиненных князю купцов; они часто сравниваются с рабами (Dubonis, 2009: p. 167; Lietuvos, 2011, p. 261). Уместно таких от великого князя зависящих купцов и ремесленников называть просто работниками князя. Однако, погребальный инвентарь могильника Кривейкишкис показывает, что они были состоятельными членами общества.

Исторические источники и археологические данные показывают еще одну социальную группу прибывших и поселившихся в княжеских центрах людей — это воины. Православных воинов, взятых в плен вместе с язычниками литовцами, упоминают и немецкие хроники (Баронас, 2004: p. 163). Например, как упоминается в Ливонской Хронике, при осаде Даугавпилса в 1274 г. активное участие принимали русские лучники (ELK: eil. 8208–8280).

Еще одна из возможных причин переселения православных в Литву – эта то, что в то время, в середине XIII в. на Руси был кризис, связанный с нашествием татаро-монгольских полчищ. Это время совпадает с резким подъемом самой Кярнаве.

Итак, обобщив все вышесказанные мысли, можно предположить, что первая православная община на территории этнической Литвы, конкретно в одном из ранних центров Кярнаве, поселилась, точнее – была поселена по инициативе великого князя во второй половине XIII в. Это совпало с правлением Трайдяниса. Однако, нельзя отбросить и предположение, что первые православные могли поселиться в Литве при правлении православных Войшелка и Шварна; а также при усилении влияния Галицко-Волынского княжества, укреплении Литовского государства и происходящим процессам его централизации. В обсуждаемое время русские земли начал опустошать общеевропейский враг – татаро-монголы. Он, главным образом, и был той причиной, заставившей опытных и профессиональных мастеров бежать из опустошаемых земель. Так, из Галицко-Волынских земель через славянские города Черной Руси православные могли попасть и на территорию Литвы. Так, резкий подъем Кярнаве совпал с упадком древнерусских городов.

Первые православные переселенцы с собой принесли не только традицию ношения головных венчиков из тисненых металлических бляшек, но и саму технику изготовления таких бляшек. До наплыва татаро-монголов и опустошения Киева в 1240 г. уровень киевских ювелиров в XIII–XIV вв., несомненно, занимал первое место среди всех древнерусских городов (Каргер, 1958, С. 376). Вероятнее всего, что эта мода ношения головных венчиков в центры этнической Литвы – Кярнаве и Вильнюсе (где такие венчики датируются второй половиной XIII в.) через Киевскую Русь, через Галич – Волынь, через территории, населенные ятвягами, попала из Византии. А распространителями такой моды были первые православные переселенцы, поселившиеся (были поселены) в первых центрах Литвы – Кярнаве и Вильнюсе. А уже отсюда в XIII–XIV вв. распространились и на другие территории Литвы.

REFERENCES

1. *Baltramiejūnaitė, D., Vengalis, R. (2010) Tyrinėjimai Semeniškėse. ATL 2009 metais. Vilnius: LAD, 99–105. [in Lithuanian].*
2. *Baronas, D. (2006) Pranciškonų misionieriai ir kankiniai Lietuvoje XIII–XIV a. In Pirmieji pranciškonų žingsniai Lietuvoje XIII–XVII a. (sud. D. Baronas). Vilnius, 9–31. [in Lithuanian].*
3. *Dubonis, A. (2009) Traidenis. Vilnius: LII leidykla. [in Lithuanian].*

4. Gedimino laišakai (2003) *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans* (sud. S. C. Rowell). Vilnius. [in Lithuanian].
5. *Gudavičius, E.* (1999) Lietuvos istorija. I tomas. Nuo seniausių laikų iki 1569 metų. Vilnius. [in Lithuanian].
6. *Jonaitis, R.* (2011) Orthodox Churches in the territory of «Civitas Rutenica» in Vilnius. Localization problem. *Archeologia Balitica* 16. Klaipėda, 110–128. [in English].
7. *Jonaitis, R.* (2013) Civitas Rutenica Vilniuje XIII–XV a. Daktaro disertacija. Klaipėda. [in English].
8. *Jonaitis, R.* (2009) Vilniaus senojo miesto vietoje (A1610K1), sklype Bokšto g. 6, esamų pastatų vietose, 2006–2007 m. vykdytų archeologijos tyrimų ataskaita (I DALIS. Tekstas, tyrimų nuotraukos, priedai). LIIRC, f. 1, b. 4929. [in Lithuanian].
9. *Jonaitis, R., Kaplūnaitė, I.* (2007) Numizmatiniai ir sfragistiniai radiniai iš Vilniaus Rotušės aikštės. *Numizmatika*, Nr. 6, Metraštis 2005. Vilnius, 79–88. [in Lithuanian].
10. *Jonaitis, R., Kaplūnaitė, I.* (2010) Tyrimai Vilniuje, sklype Bokšto gatvėje 6. ATL 2009 metais, Vilnius, 137–170. [in Lithuanian].
11. *Jonaitis, R., Kaplūnaitė, I.* (2011) Tyrimai Vilniuje, sklype Bokšto gatvėje 6. ATL 2010 metais, Vilnius, 129–134. [in Lithuanian].
12. *Jonaitis, R., Kaplūnaitė, I.* (2012) Senkapis Vilniuje, Bokšto gatvėje 6. ATL 2011 metais, Vilnius, 154–160. [in Lithuanian].
13. *Jonaitis, R., Kaplūnaitė, I., Vėlius, G.* (2016) Early Christian Burials. A hundred years of archaeological discoveries in Lithuania, Vilnius, pp. 430–441. [in English].
14. *Kaplūnaitė, I.* (2014) Vilniaus senojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), sklype Bokšto g. 6, 2012 m. vykdytų detaliųjų archeologijos tyrimų ataskaita (I DALIS. Tekstas, tyrimų ir radinių nuotraukos, priedai). 2014. In LIIRC, f. 1, b. 6684. [in Lithuanian].
15. *Kaplūnaitė, I.* (2015) Vilniaus miesto katalikiškoji dalis XIV–XVI amžiaus pradžioje. Daktaro disertacija. Klaipėda. [in Lithuanian].
16. *Kaplūnaitė, I.* (2016) Vilniaus senojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), Ligoninės statinių komplekso (1033) ir Vilniaus miesto gynybinių įtvirtinimų liekanų (39) teritorijos, Vilniaus m. sav., Vilniaus m. Bokšto g. 6 2014 metų detaliųjų archeologinių tyrimų ataskaita (I TOMAS. Tekstas ir priedai). 2016. In LIIRC, f. 1, b. 7421. [in Lithuanian].
17. *Kuncienė, O.* (1974) XIII–XIV a. Rytų Lietuvos moterų galvos papuošalai. *MAD'A* Nr. 3 (48). Vilnius. 67–75. [in Lithuanian].
18. *Kvizikevičius, L., Sarcevičius, S.* (2006) Žvalgomieji tyrinėjimai Vilniuje, Bokšto g. 6. In *ATL 2005 metais*. Vilnius: LAD, 350–353. [in Lithuanian].
19. Lietuvos istorija (2011) T. 3., Vilnius: Baltos lankos. [in Lithuanian].

20. *Luchtanas, A., Vėlius, G.* (1996) Laidosena Lietuvoje XIII–XIV a. Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai. ed. A. Astrauskas, M. bertašius. Vilnius, 80–88. [in Lithuanian].
21. *Luchtanas, A., Vėlius, G.* (2005) Archeologinių tyrinėjimų Kernavėje istorija. Lietuvos valsčiai. Musninkai. Kernavė. Čiobiškis. Vilnius: Versmė, 43–51. [in Lithuanian].
22. *Marburgietis, V.* (1999) Naujoji Prūsijos kronika. Vilnius: Vaga. [in Lithuanian].
23. *Navickaitė–Kuncienė, O.* (1964) Senosios Rusios importas X–XIII amžių Lietuvoje. MAD'A 1 (16). [in Lithuanian].
24. *Navickaitė–Kuncienė, O.* (1963) XIII–XIV m. e. amžių plokštinis kapinynas Pušaloto kaime, Molėtų raj. MAD'A, 1 (14), Vilnius: Mokslas, 99–114. [in Lithuanian].
25. *Nikžentaitis, A.* (1996) Nuo Daumanto iki Gedimino. Iki krikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai. Acta Historica Universitatis Klaipedensis, Klaipėda. [in Lithuanian].
26. *Sarcevičius, S., Valionienė, O., Pugačiauskas, V.* (2016) Kreivoji pilis: tarpdisciplininių tyrimų atvejis. Vilnius. [in Lithuanian].
27. *Svetikas, E.* (2009) Lietuvos didžiosios kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab. – XV a. Archeologiniai radiniai su krikščioniškais simboliais. I–II tomai. Vilnius. [in Lithuanian].
28. *Urbanavičius, V.* (1970) Rumšiškėnai XIV–XVI amžiais. Acta historica Lituonica VI, Vilnius. [in Lithuanian].
29. *Urbanavičius, V., Urbanavičienė, S.* (1988) Obelių kapinynas. Archeologiniai tyrimai. LA, t. 6, Vilnius. 9–63. [in Lithuanian].
30. *Vaitkevičius, G.* (1999) Vilniaus buitinė keramika (XIV–XVII a.). Daktaro disertacija. Vilnius. [in Lithuanian].
31. *Vaitkevičius, G.* (2010) Vilniaus įkūrimas. In Vilniaus sąsiuviniai, 1. Vilnius. [in Lithuanian].
32. *Vaitkevičius, G.* (2010a) Vilniaus tapsmas. Miestų praeitis 2, Vilnius. URL: <http://senas.istorija.lt/html/mts/mp2/index.htm>.
33. *Vėlius, G.* (1998) Kernavės – Kriveikiškių XIII–XIV a. Kapinynas. Baltų archeologija. Nr. 1–2 (11–12), Vilnius, pp. 38–48. [in Lithuanian].
34. *Vėlius, G.* (2001) XIII–XIV a. Kernavės kapinyno apgalviai. Lietuvos archeologija. Vilnius, t. 21, p. 383–399. [in Lithuanian].
35. *Vėlius, G.* (1997) Kernavės – Kriveikiškių XIII–XIV a. Kapinynas. Baltų archeologija. Nr. 1 (10), Vilnius, p. 26–34. [in Lithuanian].
36. *Vėlius, G.* (2005) Kernavės miesto bendruomenė XIII–XIV a. Vilnius. [in Lithuanian].
37. *Vengalis, R.* (2011) Semeniškių kapinynas. ATL 2010 metais. Vilnius: LAD, 124–127. [in Lithuanian].

38. *Vitkūnas, M.* (2005) Kernavės miestas XIII–XIV amžiuje. Lietuvos valsčiai. Musninkai. Kernavė. Čiobiškis. Vilnius: Versmė, 63–124. [in Lithuanian].
39. *Velyus, G.* (2013) Mogilnik 13–14 vv. Kriveykishkes v Kyarnave. Etnicheskaya prinaldezhnost pogrebennykh. Arkheologiya i istoriya Litvy i Severo-zapada Rossii v rannem i pozdnem srednevekove. T. 2. Vilnyus. 59–79. [in Russian].
40. *Jonaytis, R.* (2015) Ob odnom syuzhete iz istorii mody v Litve (po materialam pogrebeniy gorozhanok XIII–XIV vv. v Litve. Arkheologiya i istoriya Pskova i pskovskoy zemli, 60. Pskov, 309–316. [in Russian].
41. *Jonaytis, R., Vyazhyavichene, V.* (2009) «Russkiy gorod», istoricheski sformirovavshiysya v Vilnyuse v XIV–XV vv. Arkheologiya i istoriya Litvy i Severo-zapada Rossii v rannem i pozdnem srednevekove. Sankt-Peterburg, 94–103. [in Russian].
42. *Kaplunayte, I.* (2011) Katalicheskiy prigorod v Vilnyuse v 14–15 vv. po dannym arkheologii. In Arkheologiya i istoriya Pskova i pskovskoy zemli, 56. Pskov: Institut Arkheologii RAN, 235–238. [in Russian].
43. *Kaplunayte, I.* (2013) Ot missii frantsiskantsev do katolicheskogo rayona // Arkheologiya i istoriya Litvy i Severo-zapada Rossii v rannem i pozdnem srednevekove. T. 2. Vilnyus, 147–160. [in Russian].
44. *Musin, A. E.* (2002) Khristianizatsiya Novgorodskoy zemli v IX-XIV vekakh. Pogrebalnyy obryad i khristianskie drevnosti. Sankt-Peterburg. [in Russian].
45. *Sobolev, V. Yu.* (2007) Materialy raskopok drevnerusskikh pamyatnikov v sobranii fondov MAE im. Petra Velikogo. AIPPZ. Pskov, 245–269. [in Russian].
46. *Spitsin, A. A.* (1899) Predpologaemyya drevnosti Chernoy Rusi. Zapiski imperatorskago arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya. (Trudy otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii). T. XI. S.-Peterburg. [in Russian].

Rytis Jonaitis

Chaplets as an indicator of the migration route in the 13th and 14th centuries through Kiev to Lithuania

A distinctive feature in development of Vilnius is its multi-confessional surrounding and its competitive communities such as pagan, orthodox and catholic. Orthodox settled in a pagan city from the second half of the 13th century, most likely with the invitation of the Grand Dukes. In the beginning of the 14th century they assimilated the eastern part of the current old town of Vilnius, so called Russian end (Civitas Rutenica), surrounded by Orthodox churches and near the roads of the eastern direction.

In 2005, a cemetery was discovered in this part of the city, the research of which is being carried out until now. During the archaeological excavations inhumation burials, dating back to the second half of the AD 13th and beginning of the AD 15th century, were discovered. The research showed that Vilnius orthodox community was buried here. Graves of 531 individuals were investigated together with a great number of human bones from destroyed graves that could reach up to 250 additional individuals.

Female burials were distinguished by a rich burial inventory – chaplets made of tin plates, earrings, necklaces, bracelets and various types of rings. The chaplets were probably all gilded, made of silver from a thin cast sheet. Jewellery is exclusive for its high craftsmanship. The chaplets are clearly not of local origin – maybe they were made by local craftsmen, but under the obvious influence of the Slavic traditions. The study of decoration, forms, distribution of chaplet-plates from the territory of Lithuania and its neighbouring countries allows to trace the migration routes of the first Orthodox inhabitants of Lithuania.

The hypothesis about evolution of the chaplet-plates and their route to Lithuania is discussed in this article.